

Интегрирующие и дифференцирующие признаки языков полиэтнического Урало-Поволжья

1.0. Сходство и различие в языках народов Урало-Поволжья

Народы современной Урало-Поволжской историко-этнографической области достаточно разнообразны как по расовым приметам, так и в языковом отношении.

По устойчивым и характерным для каждого языка признакам в морфологическом строении слова языки народов Урало-Поволжья составляют два противоположных друг другу объединения: фузионные, или флективные, и агглютинативные языки. Представителем первого является русский, а ко второму относятся финно-угорские (марийский, мордовские, коми и удмуртский), тюркские (башкирский, татарский и чувашский) языки.

Как представители номинативной типологии, финно-угорские и тюркские языки Урало-Поволжья имеют ряд общих черт (сингармонизм гласных, отсутствие категории рода и др.), поэтому определенные совпадения в их структуре, имеющие параллельные явления в их системе, могут считаться типологическими схождениями или результатами конвергентных языковых изменений, вытекающих главным образом из типологических параметров.

Русскому языку не свойственна гармония гласных, но он имеет категорию рода, являющейся пережиточной "палеонтологической" категорией, уходящей своими корнями в особенности древнего мифологического мышления (4, 418).

2.0. Методы и приемы интерпретации языковых явлений

В интерпретации дифференциальных и интегральных процессов в языках полиэтнического Урало-Поволжья возможности методов компаративистики, а вместе с ними типологического, ареального, методов универсалий, фреквенталий и системно-диахронического анализа используются исследователями не во всей полноте.

Поэтому естественно, что существующая трактовка многих сложных явлений диахронического характера требует основательной проверки и поисков иных путей решений, нацеленных на реконструкцию первоначальной формы той или иной языковой категории с учетом инновационных элементов, возникших в грамматической структуре исследуемого языка под действием факторов экстралингвистического порядка. Причем при описании и объяснении языковых изменений не всегда учитываются исследователями интралингвистические факторы и диалектные данные близкородственных финно-угорских и контактирующих с ними диалектов тюркских и русского языков. Поэтому изучаемые явления нередко остаются недостаточно полно освещенными и разрешенными. К тому же скудость материала, привлекаемого для анализа, существенно ограничивает перспективы

сравнительно-генетических или сопоставительных исследований в области изучаемых явлений, а рассматриваемые проблемы часто оказываются без достаточных оснований обобщенными. Вместе с тем ценные для истории языка данные ускользают из поля зрения исследователей. При этом нельзя не признать, что неоднозначность решения обусловлена прежде всего существованием разнообразных точек зрения на одни и те же вопросы. Так, на основе применения в грамматике принципов логического членения предложения (субъект, предикат, объект и атрибут) сформировалось учение о логико-грамматическом членении предложения (главные члены: подлежащее и сказуемое; второстепенные члены: дополнение, определение и обстоятельство; сопутствующие члены: вводные слова и обращения). Однако учение о логико-грамматических членах предложения подверглось резкой критике со стороны некоторых советских лингвистов. Учитывая, видимо, это, в грамматике русского языка (Грамматика русского языка, т. 2. Синтаксис, ч. 1. Москва, 1960; Русская грамматика, т. 2. Синтаксис. Москва, 1982) противоречия решаются на иной основе – на основе учения о распространении простого предложения. К распространяющим членам относят и традиционные второстепенные члены, и сопутствующие, и однородные (кроме однородных сказуемых).

3.0. Квантификация одного из ядерных элементов предложения как интегрирующий фактор языков народов Урало-Поволжья

Заметным пробелом в изучении языков Урало-Поволжья является недостаточное внимание к взаимоотношениям двух ядерных компонентов предложения – подлежащего (субъекта) и сказуемого (предиката). Целесообразно упомянуть в этой связи, что при усилении смысловой нагрузки подлежащего в информативной семантике сказуемого возможны определенные сдвиги, регламентируемые субъектом. Вполне естественно поэтому, что включение в состав подлежащего семантических конкретизаторов с лексическим значением количества предполагает определенное квантование обозначаемого действия предмета речи (мысли).

Так, смысловое содержание подлежащего, конкретизированное краткой формой количественного числительного или неопределенно-количественным числительным, создает варианты формы координации: постановку сказуемого в форме единственного числа и в форме множественного числа. Ср., например, луговые и горные варианты марийского литературного языка с диалектными: марЛ *Кум еж толын*. марГ *Кым эдем толын* 'Три человека пришли (приехали)' // диал. *Кум еж толыныт*. марГ *кым эдем толыныт*. 'Три человека пришли (приехали)'. марЛ *Шуко еж каен*. марГ *Шуку эдем кен* 'Много людей ушло (уехало)' // диал. *Шуко еж каеныт* диал. *Шуку эдем кеныт* 'Много людей ушло (уехало)'.

Можно предвидеть, что эта тенденция, характерная для диалектов и просторечья, будет неуклонно продолжаться и стать одним из вариативных норм стандартного литературного языка, где в конструкциях подобного типа сказуемое функционирует в форме единственного числа.

В отрицательных конструкциях, свойственных лишь двусоставным предложениям, характер варьирования регрессивно- или прогрессивно ступенчатый. Грамматическое отрицание в таких конструкциях выражается отглагольной частицей. Отрицательные отглагольные частицы марийского языка составляют несколько своеобразную группу. Они

единичны, но их формы многообразны, например: марЛ *огыл*, марГ *агыл 'не'* – форма 3 лица единственного числа прошедшего времени отрицательного глагола; марЛ *огытыл*, марГ *агылеп 'не'* – форма 3 лица множественного числа прошедшего времени отрицательного глагола.

Если сказуемое, выраженное глаголом, выступает в форме множественного числа (*толыныт 'пришли, приехали'*), то отрицательная частица при нем фигурирует в форме единственного числа (*огыл 'не'*); если сказуемое выступает в форме единственного числа (*толын 'пришел, приехал'*), то отрицательная частица при нем бытует в форме множественного числа (*огытыл 'не'*). Ср., например: *Шуко ет толыныт огыл // Шуко ет толын огытыл* 'Много людей не пришло (не приехало)'.

Причины квантификации сказуемого весьма разнообразны по своей сущности, и не всегда легко со всей определенностью установить тот или иной импульс, поскольку в марийском языке иногда наблюдается варьирование чисел предиката. Так, при составном подлежащем, выраженном именем существительным в именительном падеже и именем существительным с послелогом *дене*, употребляющегося для обозначения совместности действия (на русский язык переводится творительным падежом с предлогом *с*), сказуемое может выступать как в форме единственного, так и в форме множественного числа. Выбор той или иной формы регламентируется смысловым содержанием целого предложения. Если действие производится двумя равноправными лицами (слова, их обозначающие, являются одним членом – подлежащим), то сказуемое приобретает форму множественного числа, например: *Теве рывыж игыж дене чоян вольшт* памаш дек 'Вот лиса с детенышем сметливо спустилась (букв. 'спустились) к роднику'.

Если действие производится одним главным лицом, то сказуемое выступает в форме единственного числа, например: *Тиде курык ъмбалне Иван Грозный Акпарс дене шоген*. 'На этой горе Иван Грозный стоял с Акпарсом'.

При подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием (типа *кум рвезе 'три юноши '*) или сочетанием количественного числительного и существительного в притяжательной форме (типа *ныл пошкудем 'четыре моих соседа'*) составное сказуемое ставится во множественном числе, если его именная часть выражена причастием, обозначающим активное действие, например: *Классьште кум рвезе ече дене устан коштишо улыт* 'В классе три юноши хорошо ходят на лыжах'. *Пёрт пурам ныл пошкудем чоьышаш улыт* 'Сруб должны рубить четыре моих соседа'.

Трудности выяснения причин квантификации в марийском языке обуславливаются импульсацией внутренних противоречий саморазвивающейся динамической системы синтаксических категорий, функции синтагматических показателей и прочих внутрисистемных факторов, нацеленных на усовершенствование грамматического строя языка.

Однако подобное явление встречается и в родственных языках. Так, в коми-зырянском языке при подлежащем, выраженном сочетанием существительного с числительным (или количественным словом) или соответственным местоимением, возможны две формы согласования. Если подлежащее обозначает лицо (иногда и не лицо), а сказуемое – активное действие этих отдельно взятых лиц (предметов), то сказуемое обычно употребляется во множественном числе, например: *Дас куим морт силосуйтчӧны* 'Тринадцать человек заготавливают силос'. *Уна комсомолецъяс петкӧдлӧны уджышн пример* 'Многие комсомольцы в работе показывают пример'.

Если глагол выражает неактивное действие, свойственное любым предметам (лицам и не

лицам), то сказуемое обычно ставится в единственном числе: *Чукёрмис ёкмыс морт* 'Собралось девять человек'. *Пыжас лыбё вит морт* 'Лодка подымает пять человек' (3, 40-41). На основании наличия такого явления в родственных языках можно было бы предположить, что уже в недрах структуры диалектов финно-угорских языков были заложены условия для его развития. Однако вскрытие причинной обусловленности варьирования затрудняется вследствие воздействия фактора грамматической аналогии неродственных языков соседствующих народов Урало-Поволжья, поскольку модель конкурирующего варианта может проникнуть в условиях языковых контактов. Например, весьма схожее явление имеется в волжско-татарском языке. Так, рассматривая координацию сказуемого с подлежащим, производимой на материале всех стилей татарского литературного языка, М. З. Закиев подчеркивает, что сказуемое в 3-м лице не всегда согласуется с подлежащим в числе. Часто подлежащее имеет форму множественного числа, а сказуемое – единственного: *Китә башлады инде бездән кошлар; Алар бездән ерак Жирлардә кышлар* 'Улетают птицы; Они будут зимовать далеко от нас'.

Лишь при известных условиях в стилистических целях сказуемое координируется с подлежащим во множественном числе, например: *Язлар житте, карлар эри башладылар, толыплылар толыпларын ташладылар* 'Пришла весна, снега начали таять, люди сбросили шубы'.

Если подлежащее имеет форму единственного числа, сказуемое, как правило, согласуется с ним. Однако иногда при подлежащем в единственном числе сказуемое имеет форму множественного числа.

При подлежащем в единственном числе, конкретизированном числительными, сказуемое может иметь форму множественного числа: *Өч олы кеше аның тирәсендә йөгереп дигәндәй йөрделәр* 'Три взрослых человека почти бегали вокруг него'.

При подлежащем в единственном числе, выраженном собирательным существительным, сказуемое также может быть во множественном числе, например: *Икесе дэвәнештеләр* 'Оба радовались'.

При однородных подлежащих с соединительными союзами сказуемое всегда имеет форму множественного числа. Например: *Казан һәм Минзәлә – матур шәһәрләр* 'Казань и Мензелинск – красивые города' (2, 186:187).

Подобное варьирование отмечается и в русском языке. Так, при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием (типа *десять студентов*) или сочетанием собирательного существительного с количественным значением и родительного падежа имени существительного (типа *большинство студентов*), возможны две формы согласования: постановка сказуемого в форме единственного числа и в форме множественного числа. Форма множественного числа используется обычно в тех случаях, когда подлежащее обозначает лицо, а сказуемое – активное действие этих лиц, например: *Восемьдесят молодых специалистов отправились работать. Большинство студентов-заочников своевременно выполнили все контрольные работы.*

При подлежащем – неопределенном предмете сказуемое обычно ставится в единственном числе, например: *Ряд столов стоял посередине комнаты. На столе лежало десять тетрадей* (1, 310).

На основании этих фактов, характерных как агглютинативным, так и флективным языкам, можно приступить к глубокому изучению причин квантификации одного из ядерных элементов предложения, результаты которого должны способствовать синтезу научных

концепций по дифференциальным и интегральным процессам и созданию контрастивной грамматики на материале языков народов Урало-Проволжья.

Сокращения

букв. – буквально, диал. – диалектное, марГ – горное наречие марийского языка, марЛ – луговое наречие марийского языка.

Литература

- Валгина, Н. С. – Розенталь, Д. Э. – Фомина, М. И.: Современный русский язык. Учеб. для филол. специальн. вузов. 5-е изд., перераб. -М.: Высш. шк., 1987.
- Закиев, М. З.: Татарская грамматика. Т. 3: Синтаксис / АНТ, Ин-т яз., лит. и ист. им. Г.Ибрагимова. -Казань, 1995.
- Современный коми язык*. Ч. 2: Синтаксис. Учеб. пособ. для высш. уч. завед. -Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967.
- Языкознание*. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. -М.: Науч. изд-во „Большая Российская энциклопедия”, 1998.